

Елена Шмелева, Алексей Шмелев

ИРЯ РАН, МПГУ

elena@shmelev.mccme.ru,

alexei@shmelev.mccme.ru

Анекдот как текст и как речевой жанр

В основу общей теории анекдота как особого жанра современной русской устной речи, разработанной нами и изложенной в ряде предшествующих публикаций (см., напр., [Шмелева, Шмелев 1998; 1999]), положено представление, согласно которому следует строго разграничивать рассказывание анекдота как устный речевой жанр и текст анекдота — то, что произносится при реализации данного речевого жанра. При этом именно ролью текста анекдота при функционировании речевого жанра рассказывания анекдота определяется его специфика.

Рассказывание анекдота отличается от большинства других речевых жанров тем, что рассказчик (субъект речевого жанра) никогда не претендует на авторство текста анекдота. Когда человек шутит, это предполагает, что он сам придумал шутку, — пересказать чужую шутку не значит пошутить самому. Конечно, может случиться, что человек повторяет чужую шутку, выдавая ее за свою или воспроизводит придуманный кем-то другим тост как свой собственный, но в такого рода случаях субъект вынужден скрывать заимствование чужого текста: если только «плагиат» станет явным, речевой жанр разрушится. Напротив того, если даже человек сам придумал анекдот, он должен рассказывать его как услышанный от других людей. Тем самым анекдот характеризуется воспроизведимостью: в речевом жанре рассказывания анекдота он не порождается заново, а воспроизводится.

В этом отношении рассказывание анекдота несколько напоминает речевые жанры, в которых используются клишированные формулы, напр. этикетные жанры: приветствие, выражение благодарности, извинение, поздравление с праздником и т. п. Используя этикетные формулы в составе этикетных речевых жанров, говорящий также не претендует на авторство соответствующей формулы, даже если все его высказывание ничего, кроме произнесения этой формулы, не включает. Существует еще целый ряд речевых жанров (напр., молитвы), которые могут сводиться к воспроизведению готовых текстов.

Однако рассказывание анекдота отличается и от жанров такого рода. Хотя рассказчик подает анекдот как услышанный от других людей, он одновременно рассчитывает, что анекдот

неизвестен аудитории, что слушатели (по крайней мере, часть из них) его ранее не слышали. Воспроизведение текста анекдота, предположительного известного всем слушателям, если и может иметь смысл в специфических коммуникативных ситуациях (напр., в качестве занятия школы актерского мастерства), то уж ни в какой мере не может быть реализацией речевого жанра рассказывания анекдота.

В этом смысле текст анекдота не может рассматриваться как языковое клише в подлинном смысле слова, которые характеризуются не только воспроизводимостью, но и тем, что при использовании в речевой коммуникации предполагаются известными ее участникам. От этикетных формул, паремий, молитв и т. д. мы не требуем новизны. Напротив того, рассказываемый анекдот должен быть «новым». Если анекдот оказался известен всем слушателям, то можно считать, что рассказывание анедота состоялось (и в этом смысле жанр не разрушен), но оказалось «неудачным».

В то же время для анекдотов характерно и использование формул, в большей степени напоминающих языковые клише. К ним могут быть отнесены:

1. а) стандартные зачины;
2. б) элементы языковых масок;
3. с) клишированные детали.

Использование указанных формул для многих анекдотов играет текстообразующую роль. В следующем разделе мы рассмотрим основные разновидности клише, используемых при рассказывании анекдота и закономерности их функционирования.

Типы клише, используемых при рассказывании анекдота

Стандартные зачины

Использование одинаковых зачинов, вообще говоря, характерно не только для анекдотов (ср. серию частушек со стандартным зачином «Как на Киевском вокзале...»). Но именно анекдоты наиболее естественным образом организуются в серии в соответствии со стандартным для всей серии зачином, напр.: *Приходит муж домой...* или *Врезается «Запор(ожец)» в «Мерс(едес)»...* Иногда стандартный зачин допускает наличие переменной в клишированной формуле — ср. международную серию анекдотов, начинающихся с вопроса «Сколько Х-ов нужно, чтобы вкрутить лампочку?».

Элементы языковых масок

Языковая маска героя анекдота должна включать в себя использование клишированных формул, условных сигналов, делающих героя узнаваемым. Скажем, в анекдотах про чукчей или про грузин не всегда эксплицитно сообщается, что герой анекдота — представитель

данного этнического меньшинства. Это часто становится понятно только из специальных условных сигналов в речи персонажа (см. подробнее [Шмелев, Шмелева 1998]). Так, в грузинских анекдотах герой часто использует вопросительное *да?* — в том числе в конце побудительных предложений, что противоречит нормам русского литературного языка (*Скажи, да?; Принеси, да?*). Вопросительное *да?* входит в состав клишированной формулы *обидно, да?*, которая используется в составе речи персонажа-грузина в целом ряде анекдотов и произносится со специфическим грузинским акцентом.

Примечательно, что прагматика использования этой формулы персонажем может быть в разных анекдотах полностью различной, и случается так, что именно разнообразие прагматических функций повторяемой формулы производит комический эффект и составляет *point* повествования. Рассмотрим, например, следующую пару анекдотов:

£ Грузин купался и стал тонуть. Увидел прохожего, хочет позвать на помощь, но вот беда — забыл как это сказать по-русски. А прохожий идет мимо. Тогда грузин набрался сил и кричит: «Последний раз купаюсь, обидно, да?» [произносится с грузинским акцентом].

£ Бедный студент купил на последний рубль несколько грецких орехов. Разбил один — а он пустой, одна скорлупа. Разбил другой — а он тоже пустой, одна скорлупа. Разбил третий — то же самое. Разбил он последний орех, а оттуда вылезает червяк в большой кепке и говорит: «Обидно, да?» [естественно, червяк произносит эту фразу с грузинским акцентом].

Постоянное и не соответствующее стандартам русского языкового употребления использования слова *однако* является в анекдотах неотъемлемой языковой маской чукчи. Поэтому такое употребление иногда используется в других речевых жанров как средство имплицитной отсылки к анекдотам про чукчу — иногда в видах чистого балагурства (как, например, в стандартных фразах, начинающих и заканчивающих передачу Михаила Леонтьева, которая так и называется «Однако»: *Однако, здравствуйте и Однако, время*), а иногда — в качестве инструмента острого слова, как например в заголовках газетных статей, посвященных избранию Романа Абрамовича депутатом Государственной Думы от Чукотки (о различии балагурства и острого слова см. [Земская, Китайгородская, Розанова 1983]).

Однако встречаются и менее универсальные формулы, которые зато, подобно формуле *обидно, да?* в речи персонажа-грузина, характеризуются прагматическим разнообразием, которое может обыгрываться в анекдоте. Рассмотрим с этой точки зрения используемое в ряде анекдотов про чукчу клишированное высказывание *Твоя плохой охотник*. Легко видеть, что в следующих двух анекдотах прагматика этой формулы различна и даже в каком-то смысле противоположна — правда, речь здесь идет не об интенциях персонажа, а об оценке этих интенций рассказчиком и слушателями анекдота:

£ Пошли русский и чукча на охоту. Увидели медведя. Чукча бросил в него палку. Медведь погнался за ними. Чукча с русским убегают, наконец русский обернулся, выстрелил и застрелил медведя. Чукча говорит ему: «Твоя плохой охотник, теперь придется его самим к чуму тащить».

£ Приехал чукча в Москву, поехал на такси. Вдруг дорогу перебегает старушка. Таксист хочет ее обехать, а старушка заметалась; таксист налево — и старушка туда же, таксист берет правее — и старушка туда же. И, как ни старался таксист, все же задел ее. Расстроился, обхватил голову руками, а чукча говорит ему: «Твоя плохой охотник, если бы я дверцу не открыл, ушла бы».

Существуют серии анекдотов, в которых использование определенного клишированного выражения является необходимой приметой персонажа, без которой он не может быть идентифицирован. Так, например, в анекдотах о Шерлоке Холмсе герой каждый раз предваряет свое заключительное высказывание, содержащее разгадку тайны, мучившей доктора Ватсона и одновременно составляющее «соль» анедота, словами: «Элементарно,

Ватсон». Как и другие клишированные формулы, данное выражение может приобретать новую прагматическую нагрузку, создавая неожиданный эффект:

£ «Холмс, как вам удается так долго обходиться без женщин?» — «Элементарно [после небольшой паузы, рассказчик делает указательный жест в сторону] — Ватсон!».

Существуют и другие анекдоты, построенные на неожиданном употреблении узнаваемой языковой маски. Так, к числу клишированных выражений, свойственных «новым русским» в анекдотах относятся обращение *братан*, выражения *в натуре, ну, ты че?* На этом построен следующий анекдот:

£ Корреспондент спрашивает мэра Петербурга: «Правда, что Санкт-Петербург стал криминальной столицей России?» — «Ну. ты че. братан, в натуре, наезжаешь!» — отвечает мэр.

Клишированные детали

В анекдотах помимо языковой маски используются и другие клишированные детали: внешность, одежда и прочие аксессуары, например, красный пиджак, золотая цепь («голда») и мобильный телефон («мобиля») являются непременными атрибутами нового русского, а в более старых анекдотах в качестве атрибута интеллигента указывались очки и шляпа. Но из всех головных уборов наиболее существенным в русских анекдотах, по-видимому, является кепка. Кепка наряду с картавостью, обращением *батенька* и образованием сложных слов с приставкой *архи-* является в анекдотах признаком, позволяющим идентифицировать Ленина. Поэтому, если в анекдоте говорится: *И тут подходит к нему невысокий человек в кепке и говорит: «Здрастуйте, батенька»*, русский слушатель сразу же понимает, что речь идет о вожде мирового пролетариата. Большая кепка-«аэродром» является типичным головным убором грузина, недаром червяк в цитированном нами выше анекдоте носит кепку. Собственно, только кепка наряду с формулой *Обидно, да?* (произносимой, как уже говорилось с грузинским акцентом) и позволяет идентифицировать этого червяка как грузина. Характерно, что этот анекдот приводится в английском переводе в книге [Draitser 1998], причем автор характеризует его как опирающийся на антигрузинские стереотипы, свойственные некоторым русским. Но замечательно, что текст перевода как таковой не позволяет понять, откуда известно, что в нем речь идет именно о грузине. Процитируем этот перевод:

£ With his very last ruble, a student buys a dozen walnuts. He cracks one of them. It's empty. He cracks another one — again, it's empty. When he comes to the last one, a worm wearing a cap crawls out and says:

“It hurts, doesn't it?”

Заслуживает внимания и то, что в последнее время появились анекдоты о Лужкове, в которых почти непременной деталью его внешности является также кепка. Приведем анекдот, специально обыгрывающий эту деталь:

£ Почему Лужков даже зимой ходит в кепке? — Да на нем шапка горит.

Заключение

Наличие клише только и делает возможным функционирование анекдота в определенной культурной и языковой среде. Анекдот понятен слушателям потому, что им знакомы языковые и внешние характеристики персонажей и клишированные модели построения анекдота. Поэтому так часто анекдоты непонятны детям, еще не овладевшим условными клише, характерными для анекдотов, и носителям другой культуры, даже если они хорошо знают язык, на котором рассказывается анекдот.

Литература

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. (1983) Языковая игра. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*, Москва, 172–211.

Шмелева, Е., Шмелев, А. (1998) Рассказывание анекдота как жанр современной русской устной речи. *Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, Казань, 1, 262–71.

Шмелева, Е., Шмелев, А. (1999) Вариативность речевого жанра: русский анекдот. *Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, Таруса, 1, 369–74.

Draitser Emil A. (1998) *Taking Penguins to the Movies. Ethnic Humor in Russia*. Detroit, Wayne State University Press.